

ОТКАЗ РОДИТЕЛЕЙ ОТ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА: ПРАВО ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Л. В. Туманова, Ю. А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с правовой оценкой отказа родителей от медицинского вмешательства в отношении несовершеннолетних, не достигших 15 лет, соотношение права на жизнь и права на личную неприкосновенность. Обращено внимание на различие терминов и подходов при решении вопроса о возможности медицинского вмешательства без согласия законных представителей в судебном и внесудебном порядке. Анализируется судебная практика по делам, связанным с невыполнением обязанности родителей заботиться о здоровье детей, и показаны различные подходы к уголовно-правовой квалификации таких бездействий.

***Ключевые слова:** медицинское вмешательство, информированное добровольное согласие, обращение в суд, уголовная ответственность, право на жизнь, родители, отказ от медицинского вмешательства, спасение жизни, органы опеки и попечительства, медицинская организация, возраст, обращение в суд.*

Право человека на жизнь является важнейшим и неотъемлемым, что гарантировано ст. 20 Конституции РФ, а также это право закреплено первым в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это право наиболее часто рассматривают в аспекте смертной казни, военных действий, но не менее значимо обеспечение этого права при оказании медицинской помощи.

Каждому человеку гарантируется для этого ещё и право на охрану здоровья и медицинскую помощь в ст. 41 Конституции РФ. Поскольку это право, то человек может сам распоряжаться как правом на жизнь, так и правом на медицинскую помощь и соответственно отказаться от медицинского вмешательства, даже необходимого для спасения его жизни. И такая возможность гарантируется правом на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренным в ст. 22 Конституции РФ и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В тех случаях, когда решение о медицинском вмешательстве принимает сам человек, вряд ли можно говорить о каком-либо противоречии между правом на жизнь и правом на личную неприкосновенность.

Человек принимает решение о применении медицинского вмешательства после получения необходимой информации о методах лечения, возможных результатах и осложнениях. И это информированное добровольное согласие является в соответствии со ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» необходимым предварительным условием для медицинского вмешательства. Конечно, эта информация в определенной степени носит формальный характер, не учитывает всех особенностей пациента, но все же позволяет принять решение о согласии или отказе от медицинского вмешательства.

Закон содержит определенные исключения, когда медицинское вмешательство применяется без согласия человека: это прежде всего, когда оно необходимо, а сам человек по состоянию здоровья не может выразить свою волю. Кроме того, медицинское вмешательство без согласия человека возможно для защиты общественных интересов, когда заболевание представляет опасность для окружающих. В зависимости от оснований, по которым возможно медицинское вмешательство без согласия человека, решение принимают сами врачи либо суд в установленном порядке.

Эти правила не вызывают никаких возражений в отношении совершеннолетних и дееспособных лиц, но когда решается вопрос о медицинском вмешательстве в отношении несовершеннолетних и недееспособных, возникает вопрос о необходимости

дополнительного контроля за принятием решений о медицинском вмешательстве их законными представителями.

В специальной литературе отмечается, что сегодня информированное согласие становится ключевым феноменом, выражающим всю сложность процессов взаимодействия врача и родительской семьи с целью улучшения оказания медицинской помощи ребенку¹.

Особые трудности применения и соблюдения принципа информированного добровольного согласия связаны с тем фактом, что «партнером врача в данных обстоятельствах является не индивидуальный, а групповой субъект – семья ребенка»².

Законными представителями несовершеннолетних являются их родители, и они в соответствии со ст. 63 Семейного кодекса РФ обязаны заботиться о здоровье детей. К сожалению, судебная практика по делам о лишении родительских прав свидетельствует, что эти и другие обязанности родители далеко не всегда исполняют надлежащим образом, ещё более тяжелые примеры даёт практика рассмотрения дел о преступлениях в отношении несовершеннолетних.

Законными представителями могут быть опекуны и попечители, которые назначаются по решению органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних и недееспособных. В этом вопросе также не все обстоит благополучно, о чем свидетельствует необходимость формирования федерального реестра опекунов и попечителей для исключения возможности повторного назначения опекунами лиц, которые недобросовестно выполняли эти обязанности.

Конечно, у нас нет родительской власти, как это закреплялось когда-то законодательно, но фактически это в определенной степени существует. Не всегда в соответствии с мнением ребёнка его отдают в школу с определённым уклоном, водят в кружки, секции, определяют режим дня и т.д., но особо это относится к вопросам здоровья. Ведь только родитель решает, обращаться ли вообще за медицинской помощью, но такие случаи практически вне сферы правового регулирования.

Как справедливо отмечает О.Ю. Ильина, семейные отношения наиболее уязвимы и чувствительны с точки зрения реализации частных интересов граждан, поскольку при этом должен быть соблюден формат, обусловленный публичным интересом в регулировании семейных и смежных с ними отношений³.

Закон определяет только вопросы, связанные с согласием на медицинское вмешательство, т.е. когда есть обращение в медицинскую организацию. Но эти вопросы, как представляется, решены не в полной мере. В ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определено, что по достижении 15 лет несовершеннолетний сам даёт добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство, но при лечении наркомании – только с 16 лет. Как и другие возрастные правила, возможность самостоятельно решать вопросы своей жизни и здоровья имеет условный характер, с ориентацией на усреднённый уровень физического и психического развития. Но, вероятно, должно быть какое-то единообразие, уж если закон допускает с 14 лет возможность уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, а также несовершеннолетние могут распоряжаться своими доходами, совершать сделки, почему возможность давать лично согласие на медицинское вмешательство установлена с 15 лет. Вопрос этот не является однозначным, нужно его

¹ Зими́на М.Ю. Правовые аспекты информированного согласия в педиатрической практике. URL: <http://отрасли-права.рф/article/9159> (дата обращения: 31.08.2019).

² Семке В.Я., Стоянова И.Я., Тюлюпо С.В. Принцип добровольного информированного согласия в амбулаторной педиатрической практике: проблемы внедрения // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 1. URL: <http://medpsy.ru>.

³ Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 13.

решение, которое не позволит следовать неразумным решениям несовершеннолетних, но и гарантирует от злоупотреблений родительскими правами.

Необходимость снижения до 14 лет возраста, с которого несовершеннолетний может лично давать согласие на медицинское вмешательство или отказ от него, и даже включение этого в содержание ст. 26 Гражданского кодекса РФ предлагалась давно⁴.

Законодатель не понизил возрастную границу при принятии в 2011 г. закона, регулирующего охрану здоровья, но и предложения в литературе о необходимости его повышения вряд ли можно признать обоснованными. З.Т. Кубеева⁵, как представляется, вносит два противоречащих предложения: установить возможность обращения в суд за защитой своих прав во всех случаях с 14 лет, а предоставить право на информированное добровольное согласие с 18 лет. Следует учитывать, что врачи в силу их должностных обязанностей и норм медицинской этики, базирующейся на постулате «не навреди», а также возможной ответственности, вплоть до уголовной, предлагают лечение, необходимое пациенту, поэтому риск от того, что ещё не достигший совершеннолетия человек сам решает вопрос о медицинском вмешательстве, представляется не большим, чем в любых других случаях. Дача информированного согласия на медицинское вмешательство в отношении несовершеннолетних и недееспособных их родителями и законными представителями основывается на нормах Семейного кодекса РФ, как уже отмечалось, и правиле ст. 36 Гражданского кодекса РФ, предусматривающей обязанность заботиться о лечении подопечных.

Это право не является абсолютным, медицинское вмешательство в отношении несовершеннолетних и недееспособных возможно вопреки отказу от него законного представителя в двух случаях: если это необходимо для спасения жизни или по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни. В ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» не даётся различия в толковании этих двух ситуаций, хотя существенно отличается порядок применения медицинского вмешательства без согласия законного представителя. По экстренным показаниям об угрозе жизни медицинское вмешательство может быть проведено по решению консилиума врачей, а при невозможности его собрать – лечащим или дежурным врачом с последующим извещением руководителей медицинской организации и законного представителя. В случае отказа от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, медицинская организация вправе обратиться в суд.

Обратим внимание на два момента. Прежде всего обращение в суд определено как право, следовательно, медицинская организация может и не обращаться в суд. Конечно, врачебный долг трактует это как обязанность, но странно, что законодатель не предусмотрел именно такую формулировку. Кроме того, нуждается в толковании применение словосочетания «одного из родителей». Если применительно к извещению одного из родителей о применённом экстренном медицинском вмешательстве (п. 1 ч. 10 ст. 20 ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации») совершенно понятно, что достаточно известить одного из родителей, то формулировка ч. 5 ст. 20 названного закона «при отказе одного из родителей...» оставляет не ясным вопрос о том, должны ли оба родителя, как равноправные законные представители, давать согласие и как быть, если их позиции противоположны.

Право медицинской организации на обращение в суд длительное время носило скорее декларативный характер, его процессуальное закрепление было уже после вступления в действие Кодекса административного судопроизводства РФ в июне 2016 г.

Глава 31.1 КАС регулирует защиту интересов несовершеннолетних и недееспособных в случаях отказа законного представителя от медицинского вмешательства, т.е.

⁴ См.: Туманова Л.В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 31 – 32.

⁵ См.: Кубеева З.Т. Конституционно-правовое регулирование защиты детства в Российской Федерации и в Республике Казахстан: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2019. С. 13.

возможность в судебном порядке решить вопрос о медицинском вмешательстве. Но такая возможность не обеспечивает в полном объёме прав несовершеннолетних и недееспособных на охрану здоровья и лечение, кроме того, и само понятие «для спасения жизни» носит оценочный характер, в зависимости от очень многих факторов и последствий, в том числе сроков их наступления. Например, отказ от прививки против особо опасных болезней является угрозой жизни или нет, должна ли эта угроза быть непосредственной или удаленной во времени? Возникают естественные сомнения в целесообразности ограничения судебного контроля только рамками «спасения жизни».

Обязанность родителей и других законных представителей заботиться о здоровье ребенка должна быть в большей степени обеспечена возможностью принудительного её осуществления и ответственностью за неисполнение. Вопрос о том, что обращение в суд при отказе законных представителей от медицинского вмешательства должно быть возможным во всех случаях, имеет большую историю⁶. Но законодатель не воспринял этого.

Появление ВИЧ и многих других новых заболеваний, а также новые проявления прежних опасных недугов требуют изменения подходов не только чисто медицинских, но и правовых. Не может здоровье ребёнка зависеть от усмотрения его родителей, а в качестве самостоятельного основания для лишения родительских прав отказ лечить ребёнка практически не встречается.

Статистика свидетельствует о том, что уже в раннем возрасте число детей без отклонений по здоровью уменьшается. Обычно это относят к недостаткам медицины и крайне редко связывают с ненадлежащим исполнением родителями своих обязанностей, только в каких-то экстремальных случаях. Так может не следует опасаться того, что в судах появится много дел, связанных с отказом от медицинского вмешательства несовершеннолетних, и обеспечить полный судебный контроль в этой сфере? Это, кроме того, поможет выявлять и негативные моменты в деятельности медицинских организаций. Ведь нередко родители отказываются не от медицинского вмешательства как такового, а от тех условий и методов, которые имеют место в данной медицинской организации.

Конечно, есть определённые недостатки и в действующем порядке рассмотрения дел, связанных с недобровольным медицинским вмешательством, но это заслуживает самостоятельного исследования, отметим только некоторые моменты. Так, принудительное лечение заразной формы туберкулеза осуществляется в судебном порядке по правилам гл. 31 КАС РФ, основанием для этого является уклонение от лечения или неоднократное нарушение режима. Административным ответчиком выступает больной. Возникает вопрос: несовершеннолетний или недееспособный сам уклоняется от лечения или это связано с бездействием его законных представителей? И соответственно в каком порядке суд должен решать эти дела?

Вопрос о жизни и здоровье несовершеннолетних и недееспособных должен быть предметом судебного контроля во всех случаях. Разумеется, нецелесообразно все вопросы, связанные с обеспечением здоровья несовершеннолетних и недееспособных, переносить в сферу судебной деятельности. Забота о таких лицах – прямая обязанность органов опеки и попечительства, но необходима определенная корректировка правовых норм.

Обратимся к правилу ч. 5 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Правило о том, что законный представитель недееспособного извещает о своём отказе от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни подопечного, орган опеки и попечительства, уже было подвергнуто критике как нелогичное⁷, поскольку опекун должен сообщить о своём не совсем

⁶ См., например: Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. М., 1998; Её же. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001.

⁷ Козьминых Е.В. «Новые основы» для врача и пациента с позиции судебной практики. Платные медицинские услуги, современные требования законодательства: комментарий к Федеральному закону «Об

правомерном действии. Но ещё больше удивляет, что аналогичной обязанности нет у опекуна или попечителя несовершеннолетнего, получается, о такой ситуации они не должны извещать органы опеки и попечительства. Целесообразно, чтобы такая обязанность извещать органы опеки и попечительства была бы у медицинской организации, но по буквальному тексту п. 4 ч. 2 ст. 285.1 КАС РФ медицинская организация обязана уведомлять органы опеки и попечительства не об отказе законного представителя, а только о своём обращении в суд.

Предложение о том, чтобы извещать органы опеки и попечительства во всех случаях, когда законный представитель отказывается от медицинского вмешательства в отношении своего ребёнка или подопечного, уже неоднократно высказывалось⁸, вероятно, такая обязанность медицинских организаций позволила бы своевременно обратить внимание на исполнение родителями их обязанностей.

Практика свидетельствует, что родители уклоняются от лечения ВИЧ у своих детей⁹. Отказ от медицинского вмешательства должен получить правовую оценку не только с позиций медицинского права, но и гражданского, семейного и уголовного. Вопрос о том, что лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, уже ни у кого не вызывает сомнений, но этого явно недостаточно, да и как уже отмечалось, напрямую с необеспечением заботы о здоровье это редко связывают. Нужен новый взгляд на проблему. Так, в практике встречаются случаи, когда родители, являясь ВИЧ-инфицированными, отказываются от применения медицинского вмешательства в отношении новорожденного, которое может обеспечить его здоровье¹⁰. Может, это какая-то форма эвтаназии, которую применяют родители к своим детям или законные представители, которым надоело опекать недееспособных?

В связи с отказами ВИЧ-инфицированных родителей от лечения ВИЧ у себя и у своих ВИЧ-инфицированных детей СМИ даже стали использовать особый термин «ВИЧ-диссидентство», поскольку подобные случаи регулярно фиксируются в различных регионах нашей страны.

Так, на сайте прокуратуры Тюменской области была опубликована информация о том, что прокуратура Центрального округа г. Тюмени утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении жительницы г. Тюмени. Она обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Как следует из материалов уголовного дела, ВИЧ-инфицированная тюменка в июне 2014 г. родила дочь. Женщина не лечилась сама и категорически отказывалась от лечения дочки, полагая, что ВИЧ-инфекции не существует. Вопреки рекомендациям врачей осуществляла грудное вскармливание, увеличивая риск заражения своего ребенка. В апреле 2017 г. девочка умерла от ВИЧ-инфекции 4В стадии. Согласно заключению комиссионной судебно-медицинской экспертизы своевременное обследование и лечение ВИЧ-инфекции у ребенка с момента рождения позволило бы

основах охраны здоровья граждан в РФ» и к Постановлению Правительства РФ от 04.10.2012 г. № 1006. Изд. 5. 2013. Февр. URL: https://narkodisp.ru/documents/398640/406834/5-e_izd_komment_osnov_koz_minyh_01_02_2013.pdf/e090d7c3-47a3-4ea6-baa7-7303dad41a1?version=1.1

⁸ См., например: Туманова Л.В. Состояние и перспективы развития законодательства о защите публично-правовых отношений. СПб., 2002. С. 299.

⁹ См.: Решение Октябрьского районного суда города Тамбова от 28.02.2019 г. Дело № 2а-1331/2019 // Архив Тамбовского областного суда.

¹⁰ Решение Кировского районного суда города Уфы от 01.02.2019 г. Дело № 2а-1571/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=1_cdad5ab861f44b5d8240a37a28472abb&shard=Bce дела (новое)&from=p&r={"type":"MULTIQUERY","multiqueryRequest":{"queryRequests":[{"type":"Q","queryRequestRole":"SIMPLE","request":{"query":{"type":"QUERY","mode":"SIMPLE"},"operator":"AND"},"type":"Q","request":{"mode":"EXTENDED","typeRequests":{"fieldRequests":{"name":"case_court_type"},"operator":"EX"},"query":{"mode":"AND"},"name":"common"},"typesMode":"AND"}]},"operator":"AND","queryRequestRole":"CATEGORIES"},"sorts":{"field":"score","order":"desc"},"simpleSearchFieldsBundle":"default","noOrpho":false}

добиться ремиссии заболевания и значительно увеличить продолжительность его жизни с этой патологией¹¹.

Таким образом, вопросы об обращении медицинских организаций в суд в связи с отказом родителей от медицинского вмешательства в отношении своих несовершеннолетних детей, не достигших 15 лет, и об уголовной ответственности таких родителей в случае наступления неблагоприятных последствий для ребенка связаны самым тесным образом.

Так, например, Е.В. Козьминых в комментарии к Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» эмоционально рассуждает о том, что целесообразно было бы непосредственно в законе связать эти вопросы, отмечая, в частности, что в отношении родителей малолетнего ребенка, отказавшихся от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни, вообще нет никаких «угрожающих» пунктов или обязанности совершить определенные действия (*в комментируемом ФЗ. Прим. авторов*). Иными словами – «полная анархия»: «хотим – отказываемся, хотим – не отказываемся – никакого наказания за отказ Основы не содержат». В этой связи странным выглядит отсутствие в комментируемой статье новых Основ хотя бы минимальной ссылки на закон, которым такая ответственность на самом деле предусмотрена. Мы имеем в виду ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Непонятно, почему при том увлечении авторов Основ бланкетными (отсылочными) нормами, когда в других статьях по поводу и без повода вставлены ссылки на абстрактное «российское законодательство», в разбираемой статье, где ссылка на уголовную статью прямо-таки «сама о себе кричит» и пытается справедливо занять свое место в тексте Основ, авторы Закона как будто набрали в рот воды – изо всех сил молчат о существовании фактически прямой санкции за описанное в статье правонарушение¹².

То есть автор данного комментария безусловно считает, что родители, отказавшиеся от медицинского вмешательства в отношении своего ребенка, подлежат уголовной ответственности по ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Следует отметить, что с точки зрения специфики субъекта данного состава преступления эта позиция является вполне обоснованной. В диспозиции ст.125 указывается, что виновный должен иметь возможность оказать помощь лицу и быть обязанным иметь о нем заботу. В комментариях к УК как частный случай наличия такой обязанности отмечаются родственные отношения¹³.

Еще в 2011 г. в интернет-издании Snob.ru была опубликована статья об осуждении по ст. 125 УК РФ матери, отказавшейся от переливания крови своему пятилетнему сыну, который в связи с этим умер от анемии. Мать являлась членом организации Свидетели Иеговы. Суд назначил осужденной наказание в виде штрафа в размере пять тысяч рублей.

Автор публикации пишет: «Теперь в России появился первый прецедент: свидетель Иеговы осуждена по ст. 125 УК РФ “Оставление в опасности”». А прокуратура надеется, что теперь судебное преследование представителей этой секты в аналогичных ситуациях станет регулярным. Отказ от медицинской помощи и судебные разбирательства имеют уже довольно долгую историю в Америке. 20 лет назад множество дел было заведено на родителей, которые принадлежали Христианской науке (Church of Christ, Scientist). Один из самых известных случаев произошел в 1993 году в Массачусетсе: тогда родителей двухлетнего мальчика, умершего без медицинской помощи, осудили на 10 лет условно и обязали регулярно показывать остальных детей врачам»¹⁴.

Таким образом, практика привлечения родителей, отказавшихся от лечения ребенка при наступлении впоследствии его смерти, по ст. 125 УК РФ в нашей стране имеет

¹¹ См.: <https://proctmo.ru/press-center/news/118915989785/> (дата обращения: 28.08.2019).

¹² Козьминых Е.В. Указ. соч.

¹³ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 207.

¹⁴ <https://snob.ru/selected/entry/30849/> (дата обращения: 28.08.2019).

определенную историю и подобные приговоры не единичны. Однако, продолжая анализ диспозиции данной статьи УК, следует отметить, что обязательным признаком состава преступления является нахождение потерпевшего в опасном для жизни или здоровья состоянии (при этом угроза жизни или здоровью должна носить реальный характер). Соответственно, применительно к субъективной стороне состава преступления этот признак должен осознаваться виновным, что, в свою очередь, входит в предмет доказывания. В случаях, когда речь идет о ВИЧ-инфекции, о необходимости переливания крови для спасения жизни, это осознание можно презюмировать. В иных случаях, когда для родителя (как неспециалиста) такая опасность не является вполне очевидной, установление признаков состава преступления будет напрямую связано с тем, насколько грамотно и доступно медицинские работники объяснили возможные последствия отказа родителю.

Объективные признаки состава данного преступления не вызывают вопросов с точки зрения возможности его применения к таким родителям. Непосредственным объектом являются жизнь или здоровье ребенка. Объективная сторона выражается в бездействии – заведомом оставлении без помощи. Состав преступления – формальный, наступление общественно-опасных последствий не входит в его объективную сторону.

Тем не менее нет оснований для вывода о том, что ст. 125 УК РФ является единственной, применяемой в судебной практике для привлечения родителей к уголовной ответственности, применительно к рассматриваемой проблематике.

Помимо рассмотренного выше примера с ВИЧ-инфицированной жительницей Тюмени, можно найти еще немало примеров, когда в этих случаях деяние родителей квалифицируется по ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности».

Так, 6 декабря 2018 г. в Октябрьском районном суде г. Рязани оглашен приговор по уголовному делу в отношении супружеской пары, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Суд установил, что у подсудимых супругов родился ребенок с врожденным заболеванием и врачами было назначено необходимое лечение в качестве пожизненной терапии. Первое время супруги выполняли назначения врачей и ежедневно давали своему ребенку необходимые лекарственные препараты. Но затем перестали давать лекарства, ошибочно полагая, что они могут навредить ребенку, и посчитали, что совершаемые ими ежедневные молитвы помогут ему выздороветь без применения назначенного врачами лечения. Отказ от назначенного лечения повлек ухудшение состояния здоровья ребенка с последующим наступлением его смерти. Суд признал подсудимых виновными и с учетом признания ими своей вины, раскаяния в содеянном, а также совершения преступления в отношении несовершеннолетнего ребенка родителем назначил: отцу ребенка наказание в виде 1 года ограничения свободы; матери ребенка наказание в виде 9 месяцев ограничения свободы¹⁵.

В апреле 2018 г. на сайте СУ СК РФ по Иркутской области была опубликована информация о том, что в Иркутске расследуется уголовное дело по факту смерти 4-месячной девочки, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Следствием установлено, в феврале 2018 г. врачи Ивано-Матренинской больницы констатировали смерть 4-месячной девочки в результате пневмоцистной пневмонии. Мать ребенка была ВИЧ-инфицированной и не принимала мер к собственному лечению и к лечению дочери¹⁶.

Таким образом, можно констатировать, что единообразной практики привлечения к уголовной ответственности родителей, отказавшихся от лечения ребенка, на сегодняшний день не сложилось. Состав преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, в отличие от ст. 125 является материальным. Соответственно, для квалификации деяния по данной

¹⁵ http://oktiabrsky.riz.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=508 (дата обращения: 28.08.2019).

¹⁶ <http://irk.sledcom.ru/news/item/1214316/> (Дата обращения 28.08.2019).

REFUSAL OF PARENTS FROM MEDICAL INTERVENTION REGARDING THE CHILD: LAW OR CRIME?

L.V. Tumanova, Yu.A. Dronova
Tver State University

The article discusses problematic issues related to the legal assessment of parents refusing medical intervention for minors under the age of 15, the ratio of the right to life and the right to security of person. Attention is drawn to the difference in terms and approaches when deciding on the possibility of medical intervention without the consent of legal representatives in court and out of court. The jurisprudence in cases involving the failure of parents to take care of the health of their children is analyzed and various approaches to the criminal qualification of such inaction are shown.

Keywords: *medical intervention, informed voluntary consent, going to court, criminal liability, right to life, parents, refusal of medical intervention, saving lives, guardianship and trusteeship bodies, medical organization, age, going to court.*

Об авторах:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, зав. кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: gpipd@tversu.ru

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: dron_u75@mail.ru.

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law, the head of the Department of Civil Procedure and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), e-mail: gpipd@tversu.ru

DRONOVA Julia - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), e-mail: dron_u75@mail.ru.

Туманова Л.В., Дронова Ю.А. Отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении ребенка: право или преступление? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 57 – 70.